

doi: 10.22363/2313-2337-2017-21-3-331-354

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРАВО В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

М.В. Немытина, Ц.Ц. Михеева

Российский университет дружбы народов
Юридический институт
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 6

2017 год в России проходит под знаком событий, 100 лет назад радикально изменивших вектор развития нашего общества и систему существовавших в нем отношений. Сменились одновременно не только форма правления, политический режим, правовая система, но и вся система отношений в обществе. Революция совершается тогда, когда власть оказывается не способной к продвижению общества вперед посредством совершенствования существующих в нем отношений. Революция всегда есть отрицание сложившегося общественного порядка, она имеет глубокие социальные корни и представляет собой не одномоментный переход власти от одних социальных сил к другим, а длительный процесс, радикально меняющий всю систему отношений. Революцию можно определить как новую социокультурную программу общества, реализованную пришедшими к власти социальными силами в своих интересах.

В условиях революции, когда один социальный порядок заменяется другим, право выполняет особую миссию. В настоящей статье анализируются тенденции развития советского социалистического права и правоведения, в которых социологизм на стадии их становления к концу 30-х гг. сменился этатическим позитивизмом. Взятая на вооружение большевиками марксистская теория являлась разновидностью социологических теорий, поскольку определяющим фактором в ней признавались социальные интересы.

Начиная с 1917 г. в социальной практике большевиков усматривается ярко выраженная социологическая направленность, строившаяся на творческой, в том числе и правотворческой, активности трудящихся масс, пришедшего к власти рабочего класса. Однако к концу 30-х гг. в советском праве восторжествовал этатический позитивизм, опосредовавший господство партийно-государственной системы.

Марксистско-ленинские представления о социалистическом обществе как системе отношений, основанных на социальном равенстве и справедливости, не были воплощены в жизнь и не определяли тип советского государства и права. Идентификация интересов как реальных причин социальных действий позволяет выявлять подлинную социальную структуру советского общества, в котором специфику правового регулирования предопределило противостояние партийно-государственной бюрократии, с одной стороны, и широких слоев трудящихся — с другой. Существовали принципиальные расхождения между формально регламентированной в законодательстве социальной структурой общества и реально существующими в нем отношениями. Деформация социальных отношений предопределила падение советского социалистического строя на рубеже 80–90-х гг. XX в.

Ключевые слова: советское социалистическое право; революция; реформы; социологизм в праве; этический позитивизм; правовая культура; правовое регулирование; социальные интересы; социальные силы; социокультурная программа

I. ВВЕДЕНИЕ

События 1917 г. с позиций формационного подхода было принято интерпретировать как Февральскую буржуазно-демократическую революцию, переросшую в Великую Октябрьскую социалистическую революцию и ознаменовавшую строительство государства и права нового типа. Однако методология философии, истории, других областей социально-гуманитарного знания, а также правоведения в последнее время радикально изменилась, что нашло проявление в новых трактовках этих значимых событий нашей истории.

Так, в 2013 г. коллективом авторов-разработчиков во главе с академиком О.А. Чубарьяном учебным заведениям Российской Федерации была предложена Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории (далее — Концепция), в рамках которой сделана попытка обойти «острые углы» и взаимоисключающие трактовки в осмыслении отечественного прошлого, унифицировать и ввести в единое русло учебный процесс, выстроить периодизацию, отвечающую современным тенденциям в исторических исследованиях, синхронизировать вехи российской истории с общемировыми. В рамках предложенной в Концепции периодизации события отечественной истории начиная с февральских событий 1917 г. в Петрограде и падения самодержавия до начала гражданской войны (июль 1918 г.) предлагается именовать Великой российской революцией¹.

Далеко не все ученые, в том числе и историки права, согласны с предложенной трактовкой, объединяющей события с февраля по октябрь 1917 г. и далее до начала гражданской войны со всеми их социальными проявлениями в одно — Великую российскую революцию — и по-прежнему считают необходимым различать Февральскую и Октябрьскую революции (Tomsinov, 2017). Вместе с тем именно новая трактовка великих и одновременно трагических событий 1917 г. в нашей стране совпадает подходами, существующими в западной историографии. Так, Г. Берман, идентифицируя революции в общем контексте европейского развития, пишет *о шести великих революциях, которые изменили западную традицию права*. Характеризуя эти революции, Г. Берман отмечает следующее: «Три из них Русская, Французская и Американская — были названы революциями самими их участниками, хотя в каждом случае слово “революция” содержало различный смысл. Четвертая из них, Английская,

---

¹ Официальный сайт Ассоциации «Российское историческое общество». Режим доступа: <http://rushistory.org/proekty/kontseptsiya-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otchestvennoj-istorii/istoriko-kulturnyj-standart.html#5> (дата обращения: 09.06.2017).

была впервые названа революцией тогда, когда она уже подходила к концу, в 1688–1689 гг. (Славная революция). Начальный же этап ее (1640–1660) враги называли Великим мятежом, друзья — “восстановлением свободы”; второй этап (1660–1685) в то время называли Реставрацией, хотя некоторые современные авторы называли его также революцией. Впервые слово “революция” было использовано в современном смысле для обозначения крупного политического переворота, однако имелся в виду поворот колеса истории назад к прежней системе правления. Таким образом, явление, которое большинство историков сейчас называют Английской революцией, состояло из трех последовательных “реставраций”».

Пятая великая революция, если идти дальше в глубь времени, — это протестантская Реформация, которая в Германии приняла характер национальной революции, началась с нападок Лютера на папство в 1517 г. и закончилась поражением императора в 1555 г. силами протестантского союза и установлением религиозного мира среди немецких княжеств. Шестая, Папская революция 1075–1122 гг.» (Berman, 1998:35).

Автор рассматривает революцию как динамичный, длящийся процесс, отмечает довольно длительную временную протяженность революций, считая их единым процессом, цепочкой связанных между собой неординарных событий. Г. Берман не различает российские революции начала XX в., не идентифицирует их отдельно: «Русская революция, — утверждает он, — не ограничивается теми несколькими годами, когда Ленин привел большевиков к власти» (Berman, 1998:39). Впрочем, и в работах В.И. Ленина неоднократно подчеркивалась взаимосвязь революционных событий не только 1917 г., но и 1905 г. и 1917 г., а также реформ второй половины XIX в. и всех революционных потрясений начала XX в. Так, В.И. Ленин утверждал, что «1861 год породил 1905» (Lenin, 1973:177) и, можно добавить, — 1917 год.

В заданном контексте взаимосвязи и взаимообусловленности реформаторских и революционных процессов в России вопрос о хронологических рамках нашей революции остается открытым и может еще неоднократно пересматриваться. В основе вопроса — не столько характер и содержание революционных событий, сколько проблемы социокультурного развития общества в целом, существующие в нем социальные интересы, их реализация определенными способами и средствами, притязания различных социальных сил на власть и обусловленные этим конфликты.

Профессор Гарвардского университета Т. Скокпол, отметив расхождение во взглядах между занимающимися анализом революции историками и социологами, предложила использовать сравнительно-историческую методологию, что позволяет прийти к более обоснованным выводам и заключениям на основании макроисторических примеров (Skocpol, 1979:33–40).

Революцию она отличает от других видов конфликтов и иных трансформаций общества совпадением двух составляющих: 1) социальные структурные

изменения на фоне классового противостояния; 2) политическая и социальная трансформации (Skocpol, 1979:4). Для исследования она выбрала Французскую, Русскую и Китайскую революции по сходству нескольких параметров: аграрные страны с централизованным и бюрократическим управлением, внешне независимое становление государственности, их традиционность, наличие в недавнем прошлом военных столкновений с другими странами, успех революции (Skocpol, 1979:40–47). Автор устанавливает следующие временные рамки революций: Французской революции — 1787–1800 гг., Русской — 1917–1921 гг., Китайской — 1912–1949 гг. (Skocpol, 1979:XI). Как видим, верхнюю границу российской революции Т. Скокпол определяет 1921 г.

Таким образом, представляет научный интерес определение социальной природы и сущности революции теперь уже не в формационном, а в социокультурном контексте, установление ее возможных причин и последствий, обусловленных движением социальных сил, реализующих в ходе революции свои интересы, в том числе и юридическими средствами. Если рассматривать революцию как новую социокультурную программу развития общества, то следует видеть не только ее ближайшие результаты (торжество интересов новых социальных сил, смена власти, новая идеология, смена типа права и государства), но и ее отдаленные результаты и последствия для общества.

Представляется весьма значимым обращение к теме революций как феномену, характерному для современного общества. Ракурсы изучения здесь определены произошедшими в последний период «цветными» революциями, революциями в арабских странах, имеющими место массовыми протестными выступлениями.

II. РЕВОЛЮЦИЯ КАК НОВАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРОГРАММА

Г. Берман полагает, что революция происходит тогда, «когда вся ранее существующая система политических, правовых, экономических, религиозных, культурных и других общественных отношений, институтов, убеждений, ценностей, целей свергалась в пользу установления новой» (Berman, 1998:35). По его мнению, «революции создают не только новые формы правления, но и новые структуры общественных и экономических отношений, новые структуры отношений между церковью и государством и новые структуры права, а также новые взгляды на общество, новые воззрения на историю и новые системы универсальных ценностей и убеждений» (Berman, 1998:36).

Выдающийся российский исследователь-правовед Г.В. Мальцев определил, что такое революция, следующим образом: «В политико-правовом смысле *революция есть одновременная смена формы правления, политического режима и правовой системы*, достигаемая в относительно быстрые сроки, радикальными средствами, прежде всего путем революционного насилия. Однако революция

— это более чем замена старой политико-правовой надстройки новой. Главное в этом процессе по возможности наиболее полное обновление фундаментальных структур общества, которые в марксистско-ленинской теории, например, называются «формацией», «способом производства», «общественным строем» и т.д. Меняются не только сами по себе политические и правовые отношения, но и социально-экономические источники, определяющие их характер» (Mal'tsev, 1999:272). Как отмечает автор, революция случается тогда, когда «погрязшее в кризисе общество доходит до последней черты» (Mal'tsev, 1999:273). И далее: «Революции, как правило, опрокидывают негодную или неугодную эмпирическую реальность, они не останавливаются перед основами социального бытия» (Mal'tsev, 1999:274). Следует согласиться с утверждениями ученого о том, что революция влечет за собой изменение всей системы социальных отношений, революция «выступает как кара обществу за его неспособность к саморазвитию и модернизации посредством реформ» (Mal'tsev, 1999:273).

В отличие от революций, реформы не разрушают, а трансформируют общественный порядок, они, по мнению Г.В. Мальцева, «управляемы, подконтрольны, они осуществляются в рамках права» (Mal'tsev, 1999:274). В то же время автор возлагает на реформаторов ответственность за проводимые ими преобразования: «Ослабление механизмов правового контроля и юридической ответственности за проведение реформаторских мер влечет тяжелые последствия для реформы, которая выходит из правового пространства» (Mal'tsev, 1999:278–279).

Приведенные выше тезисы вполне применимы к России, где правительство Александра II во второй половине XIX в. отчетливо демонстрирует пределы и возможности реформирования, обусловленные стремлением сохранить самодержавную власть, «высший эшелон» государственных структур, лидирующие позиции дворянского сословия в обществе. Очевидными становятся те конфликты, которые способны породить непоследовательные действия реформаторов.

В действиях либерального окружения императора Александра II прослеживаются две взаимоисключающие тенденции. Первая тенденция была связана с консервацией самодержавия как специфической политической формы с всевластием царя и администрации, с опорой на дворянское сословие, которая не должна быть поколеблена в ходе проводимых преобразований. Вторая — с модернизацией социального и правового порядка в виде отмены крепостного права, судебной реформы, реформ местного самоуправления, дабы создать условия для развития экономических отношений, защиты собственности, реализации прав личности.

Войдя в полосу реформ, но стремясь при их проведении отсрочить принятие конституции, учреждение парламента, сохраняя сословный строй с его привилегиями и ограничениями, российское самодержавие, тем не менее, уже вступило на путь конституционализма, продвигая российское общество

именно в этом направлении. В ходе проведенных преобразований в систему общественных отношений самим правительством внедряются элементы конституционного строя — равенство всех подданных перед законом и судом, самостоятельная и независимая судебная власть, местное самоуправление.

Провозглашенная Судебными уставами 20 ноября 1864 г. независимость суда от администрации фактически ограничивала самодержавную власть, а принцип равенства перед законом и судом противоречил сословному строю, являвшемуся опорой самодержавия. Такова суть противоречий, которые породила непоследовательная политика правительства, и которые впоследствии будет обостряться, пока не дойдут до критической точки. Не то чтобы нежелание, а скорее неспособность либерального окружения Александра II идти дальше по пути модернизации общества, утрата контроля над реформами предопределили трагическую судьбу самого императора и страны, которой он правил.

«С юридико-позитивистской точки зрения, — утверждает Г.В. Мальцев, — революциям и радикальным реформам в правовом пространстве, очерченном законами государства, нет места; они всегда противозаконны» (Mal'tsev, 1999:275).

Просматривается взаимосвязь и взаимная обусловленность философского и юридического позитивизма в объяснении реформ и революций. Если в философском позитивизме предполагается непрерывность опыта, относящегося к содержанию и формам индивидуальной и общественной жизни, то в юридическом позитивизме презюмируется незыблемость порядка, установленного законодательством. «Позитивный правопорядок совершенно определенно и логически закономерно ставит революцию, как и любые радикальные насильственные действия, разрушающие данный общественный и конституционный строй, *вне закона*». По утверждению Г.В. Мальцева, «юридический позитивизм не приемлет революций не только потому, что они разрушают актуальный правопорядок, над совершенствованием которого постоянно трудится суверенно-законодатель, но и потому, что они стремительно и насильственно, не всегда продуманно и ответственно, ломают старые формы вообще (только потому, что они старые), прерывают то, что не должно никогда прерываться, — *общественные традиции*» (Mal'tsev, 1999:275–276).

Тем не менее, в обоих случаях — и в философском, и в юридическом позитивизме — речь идет о трансляции опыта и традиций в правовой культуре. Тем самым революцию можно определить как реализованную радикально новую программу общества, неспособного жить по старой социальной программе.

При анализе проблематики, связанной с революциями, представители различных научных направлений — системно ценностно-согласованного, агрегативно-психологического, интегративного, процессуального, относительной депривации, ресурсной мобилизации, структурных теорий и др. (Skocpol, 1979:6–12; Nikiforov, 2007:92–104) — обосновывают необходимость многоуровневого

подхода. В ряду необходимых условий наступления революции они видят: несбалансированную социальную систему (Johnson, 1982:61–90), неудовлетворенность населения в его основных потребностях (физиологических и/или социальных), вероятную возможность их неудовлетворения (James, 1962:6,8), желание людей улучшить свои социальные и статусные позиции (Goldstone, 1991:37–51), неразрешимые конфликты между различными социальными группами (Lichbach, Gurr, 1981:12), политические притязания относительно структуры власти, альтернативные концепции справедливости, организация принуждения, ведение войны, коалиции в обществе, степень легитимности государства (Tilly, 1973:447).

Даже те исследователи, которые считают нецелесообразным построение универсальной теории революций, объясняют их наличием элементов «случайности», «свободной причинности» (в смысле прекращения или приостановки действия некоторых причинно-следственных детерминаций, определявших дореволюционный статус-кво), спонтанного появления дотоле неизвестных форм идентичности и субъектности коллективных акторов» (Kapustin, 2015:6), при обосновании революций как явления, присущего современности, приводят такие обобщающие характеристики, как открытость революций *творимому ими будущему*; глубинное изменение *социальных отношений*; завоевание власти *новыми социальными силами*, созданными самой революцией или пробудившимися под ее влиянием.

Представляется, что наиболее продуктивный взгляд на проблему революции возможен сквозь призму культуры общества, существующих в ней и поддерживаемых ею программ социального поведения, общения и деятельности, социальной памяти, традиций и инноваций. В этом общем контексте культуры просматривается и правовая культура общества, существующие в нем правовые отношения, которые поддерживаются в рамках традиций и не свободны от инноваций.

Так, академик В.С. Степин определяет культуру как надбиологическую программу общества, в которой живут образы и образцы человеческого поведения, традиции и инновации. По его мнению, культура общества «может быть определена как система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях. (...) В своей совокупности и исторической динамике они образуют накапливаемый и постоянно развивающийся социальный опыт. Культура хранит, транслирует этот опыт (передает его от поколения к поколению). В этой функции она выступает как традиция, как социальная память. Но культура способна также генерировать новые программы деятельности, поведения и общения людей, и часто задолго до того, как они внедряются в ткань социальной жизни, порождая социальные изменения» (Stepin, 2011:43).

Определение правовой культуры находим у И.Л. Честнова, который рассматривает ее «как механизм воспроизводства правовой реальности» (Chestnov, 2012:6–7). «Очевидно, что социальном мире действуют не некие коллективные организмы, например, государство или право, и даже не формы их внешнего выражения (например, закон), а только люди», — отмечает автор. Поэтому «можно предположить только вероятностные тенденции» (Chestnov, 2012:8) массового поведения людей, руководствующихся господствующими в общественном сознании представлениями, следующих сложившимся в социуме образцам поведения.

Таким образом, в развитии общества следует видеть, с одной стороны, тенденции к воспроизводству социальных отношений, с другой — импульсы к социальным изменениям, которые, если ими не управлять, способны достичь критической отметки, изменить существующую социальную программу развития общества.

Сквозь призму социокультурного развития революция видится не просто как переворот и связанная с ним цепь событий, фактов, явлений, а как инновационное развитие общества, принявшее крайние, наиболее радикальные формы, как отказ от традиции в преемственности идей и течений в культуре общества, как новая социокультурная программа, в реализацию которой входит общество.

III. СОЦИОЛОГИЗМ И ЭТАТИЗМ В СОВЕТСКОМ ПРАВЕ И ПРАВОВЕДЕНИИ

Если обратиться к правовым воззрениям в России в преддверии событий 1917 г., то следует отметить, что концепции юридического позитивизма не дали возобладать над собой уже получившим развитие в дореволюционный период социологическим и иным течениям юридической мысли. Как отметил Г.В. Мальцев, именно «*юридический позитивизм определил профиль российского правового развития*» (Mal'tsev, 1999:18) того времени.

В начале XX в. российское правоведение меняло вектор своего развития, и ученые отходили от юридического позитивизма. В тот период С.А. Муромцев и Н.М. Коркунов выступали с социологических позиций, В.М. Гессен и П.И. Новгородцев развивали идеи возрожденного естественного права, сложилось психологическое направление, возглавляемое Л.И. Петражицким. Однако на фоне изживающих себя государственных форм, в результате военного поражения в русско-японской войне, под воздействием революционных событий 1905–1907 гг., в преддверии Первой мировой войны и радикальных потрясений 1917 г. в обществе «создалась благоприятная ситуация для своеобразного реванша этатического позитивизма с его правопониманием, замешанным на идеях государственного авторитаризма и государственного принуждения», как емко охарактеризовал ее Г.В. Мальцев (Mal'tsev, 1999:21).

В социальной практике большевиков на ее начальной стадии усматривается ярко выраженная социологическая направленность, строившаяся на творческой, в том числе и правотворческой, активности социальных групп, прежде всего пришедшего к власти рабочего класса. Когда происходит революция, «в историческом смысле это стремительная, прерывная, насильственная перемена, от которой лопаются по швам правовая система» (Berman, 1998:37), характерной особенностью правового развития становится самолегитимация власти.

Одним из первых актов, отразивших характер правоотношений в советском обществе, стал Декрет о суде от 22 ноября 1917 г., который предписывал при решении дел и вынесении приговоров руководствоваться не отмененными революцией законами свергнутых правительств в той мере, в которой они «не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»². Это наводит на мысль не только о том, каков был массив прежнего законодательства, подлежащего применению в новых условиях, но и позволяет констатировать, что в качестве основных источников советского права Декрет провозгласил «революционную совесть и революционное правосознание». Одновременно встает вопрос о пределах действия революционной совести и революционного правосознания и критериях их действия. Как отметил историк права, профессор В.М. Курицын, «в качестве критерия законности действий органов и должностных лиц Советской власти зачастую выступали соображения революционной целесообразности» (Куріцын, 1983:18).

Критикуя сложившиеся в ранние советские годы механизмы правотворчества, В.М. Курицын одновременно оправдывал их следующим образом: «Социалистические преобразования совершались впервые в мире, конкретные формы новых отношений могла выработать только практика, опыт трудящихся масс, а он был еще не велик». Далее он отмечает: «Трудность борьбы за укрепление социалистической законности заключалась в том, что эта задача решалась впервые в мире» (Куріцын, 1983:18).

Г.В. Мальцев утверждает, что первые определения советского права, данные П.И. Стучкой³, Е.Б. Пашуканисом⁴, носили социологический характер, по-

---

² Декреты Советской власти. Том I: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 86.

³ Стучка Пётр Иванович (1865–1932) — советский ученый, юрист, автор работ по теории права и государства, принимал активное участие в разработке законов и кодексов, народный комиссар юстиции РСФСР (1918), председатель Советского правительства Латвии (1918–1920), заместитель наркома юстиции РСФСР (1919–1920), председатель Верховного Суда РСФСР (1923–1932), директор Института советского права (1931–1932).

⁴ Пашуканис Евгений Брониславович (1891–1937) — советский ученый, юрист, автор работ по теории права и государства, принимал активное участие в разработке законов и кодексов, директор Института советского строительства и права Коммунистической академии (1931–1936), заместитель Народного комиссара юстиции СССР (1936–1937).

сколькo классовые интересы в них были первичны, издаваемые государством законы — вторичны (Mal'tsev, 1999:27).

Первое легальное определение права находим в ст. 1 «Руководящих начал по уголовному праву» от 12 декабря 1919 г., где было сказано: «Право – это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой» (Stuchka, 1921:9).

Исследователи отмечают, что данного определения в первоначальной редакции документа не было. Автором его считается П.И. Стучка. Еще одна характерная особенность этого документа. «Руководящие начала по уголовному праву» 1919 г., этот фактически первый советский уголовный кодекс, где упор делался на общую часть уголовного права, в то время как конкретные составы преступлений и меры наказаний еще не удалось систематизировать, был принят коллегией Наркомата юстиции. То есть если оценивать этот документ как источник права, то это был ведомственный нормативный правовой акт.

Как отмечает В.М. Курицын, «законодательство должно было гибко и оперативно реагировать на обстановку в стране. Поэтому фактически законодательствовали не только съезд Советов и ВЦИК, но и СНК. В первые годы Советской власти еще не сложилось четкого различия между декретом (законом), принимаемым высшим органом государственной власти, и ведомственным (подзаконным) нормативным актом. Нередко нормативные акты, по своему политическому значению и юридическому содержанию ничем не отличавшиеся от закона, принимались наркоматами и ведомствами» (Kuricyn, 1983:20). Однако с развитием государства и права потребовалось «повышение роли закона, как акта высшего органа государственной власти, что, в свою очередь, вызвало потребность в повышении роли и авторитета высших представительных органов государственной власти – Всероссийских съездов Советов и ВЦИК» (Kuricyn, 1983:91).

Если же обратиться к доктринальным определениям права, то П.И. Стучка понимал под правом то «социальное явление, содержанием которого являются меняющиеся общественные отношения» (Stuchka, 1921:9,28). Основным явлением он называет право, по его мнению, закон – не тождественная праву формальная категория, которая «не обнимает всего права» (Stuchka, 1921:89).

Е.Б. Пашуканис, автор весьма авторитетных работ по марксистской теории права, интерес к которым не ослабевает в современной науке (Bowring, 2011; Bowring, 2017; Head, 2007; Petukhova, 2012; Solomko, 2011; Tikhonovsky, 2009), выступая с критикой формально-догматической юриспруденции Г. Кельзена и в целом позитивизма, утверждал следующее: «Подвергнув тщательному анализу основные юридические понятия, он [Г. Кельзен] старательно устраняет отсюда все психологические и социологические элементы, всякий налет фактического» (Pashukanis, 1923:228). По Е.Б. Пашуканису, «право не ... принадлежность абстрактного человеческого общества, но ... историческая категория, отвечающая

определенной общественной среде, построенной на противоположности частных интересов» (Pashukanis, 1927:30). Норма права, в соответствии с концепцией Е.Б. Пашуканиса, может быть как писаным правилом, так и неписаным, так же, как и норма морали. «В материальной действительности отношению отдается примат над нормой» (Pashukanis, 1980:79), поскольку право должно быть реализовано. Автор утверждает следующее: «Для того, чтобы утверждать объективное существование права, нам недостаточно знать его нормативное содержание, но нужно знать, осуществляется ли это самое нормативное содержание в жизни, т.е. в социальных отношениях» (Pashukanis, 1980:80). Государство при этом не является источником правовых норм и не создает предпосылок возникновения права. Предпосылки права ученый видел в общественных, прежде всего производственных, отношениях (Petukhova, 2012:23).

В текущем 2017 г. году исполняется 150 лет с опубликования работы Карла Маркса «Капитал» (1867). В 2013 г. «Капитал» и «Манифест коммунистической партии» были включены по рекомендации Нидерландов и Германии в Реестр документального наследия ЮНЕСКО «Память мира». Обе работы были признаны ЮНЕСКО как «две из наиболее важных публикаций XIX в., имеющих огромное влияние и по сей день»⁵.

Марксистская методология носит ярко выраженный социологический характер, поскольку в основе ее лежат интересы больших социальных групп — классов, которые на протяжении всего исторического пути развития общества борются за экономическое и политическое господство. Ориентированная на социальные процессы в странах Западной Европы — К. Маркс и Ф. Энгельс по происхождению были немцами, их идеи в конце XIX — начале XX в. широко распространялись в европейских странах представителями различных партий левого толка — марксистская теория впервые получила практическое воплощение в масштабах такой страны, как Россия, с ее противоречиями в виде сохранившегося в начале XX в. сословного строя и доминирования крестьянских масс в общем составе населения. Таким образом, на основе идеологии, созданной в Европе, именно в РСФСР и СССР была создана политико-экономическая система, которую на Западе не удалось реализовать.

В то же время принято считать, что в марксистской методологии правовой компонент не был достаточно обоснован и аргументирован. В частности, П.И. Стучка отмечал, что «марксизм не излагал новой философии права, не дал сразу нового понимания права, но он дал метод и материал для такого понимания» (Stuchka, 1964:201). Представления о постепенном снижении значимости

---

⁵ Официальный сайт Юнеско. Режим доступа: <http://www.unesco.org/new/en/communication-and-information/flagship-project-activities/memory-of-the-world/register/full-list-of-registered-heritage/registered-heritage-page-5/manifest-der-kommunistischen-partei-draft-manuscript-page-and-das-kapital-erster-band-karl-marxs-personal-annotated-copy/> (дата обращения: 04.05.2017).

права по мере развития социалистического общества, вплоть до отмирания права вообще, стали, как полагает Г.В. Мальцев, «источником правового нигилизма в первые годы советской власти». (Mal'tsev, 1999:24).

Е.Б. Пашуканис утверждал, что «буржуазное право — исторически наиболее развитый, последний тип права, после которого невозможно какое-либо новое право» (Pashukanis, 1927:9). Он отвергал возможность существования «пролетарского права». Буржуазное право, по его мнению, существует и в условиях социализма (в современный ему период — период нэпа, и позднее в «такой общественной строй, при котором средства производства принадлежат всему обществу и в котором производители не обмениваются своими продуктами») (Pashukanis, 1927:22).

П.И. Стучка также указывал на временный характер существования советского права, отмечая следующее: «С падением или, правильнее, отмиранием государства естественно падает, отмирает и право в буржуазном смысле. О пролетарском праве мы можем говорить лишь как о праве переходного времени» (Stuchka, 1919:210).

Таким образом, состояние советского права как нормативной регулятивной системы было обусловлено произошедшей в ходе революционных событий 1917 г. сменой социокультурной программы общества, преобладанием в нем поначалу социологических подходов, что вполне объяснимо, поскольку старые правовая система была разрушена, а на создание новой требовалось время.

Утверждение в советском обществе в начале 30-х гг. партийно-государственной системы обусловило отказ от социологических концепций. В правопонимании безраздельное господство приобрел этатический позитивизм как крайняя форма юридического позитивизма. «Новая философия права, — утверждает Г.В. Мальцев, — являлась, в сущности, грубо сработанной версией этатического позитивизма. Плоть от плоти тоталитарного понимания политической власти, она сводила все правовое к предписаниям и приказам “сверху”, не видела в праве ничего, кроме утверждения политической мощи государственного аппарата, средства государственного принуждения» (Mal'tsev, 1999:30).

На I Всесоюзном съезде марксистов-государственников и юристов, прошедшем в январе 1931 г., было заявлено, что требуется «выкорчевывание в среде самих марксистов-ленинцев всяких отклонений от правильной линии», к коим причислены «разновидности психологических, идеологических и формально-нормативных теорий», в том числе «буржуазно-социологическая, подкрашенная под марксизм» (Rezolyutsiya..., 1931:144, 146).

П.И. Стучка в ответ на то, что его критикуют за непризнание своих ошибок, писал в 1931 г.: «Ошибки признавать и там, где я их не вижу, я не могу и не буду» (Stuchka, 1931:67). И далее: «Меня упрекали в последнее время, что я находился под влиянием социологической школы права (Муромцева, Коркунова, отчасти и Иеринга и др.). Это естественно было так; но брал я у них только

результат их исследований, а отнюдь не буржуазно-классовые атрибуты их науки» (Stuchka, 1931:69).

В условиях смены государственной идеологии Е.Б. Пашуканисом в 1936 г. была выдвинута идея «социалистического права». В статьях середины 30-х гг. он критикует собственные, изданные ранее, труды, признает прежние свои суждения «ошибочными», «путанными», и отмечает: «Разговоры о том, что право отмирает при социализме, представляют собой такую же оппортунистическую чепуху, как и утверждение, что государственная власть начала отмирать на другой день после свержения буржуазии», и с этого момента советское право было социалистическим (Pashukanis, 1936:7). «Великая социалистическая Октябрьская революция, — пояснял он, — нанесла удар капиталистической частной собственности и положила начало новой социалистической системе права. В этом основное и главное для понимания советского права, его социалистической сущности как права пролетарского государства» (Pashukanis, 1936:8).

С глубоким сожалением приходится констатировать, что предпринятые учеными, создававшими советскую правовую науку, попытки пояснить и уточнить свои позиции, а подчас и кардинально их изменить, не помогли им самосохраниться в условиях тоталитарного режима – многие из них были репрессированы.

С конца 30-х гг. отечественное правоведение вынужденно развивалось в жестко заданных идеологических рамках этатического позитивизма. Вполне сложилось отношение к праву как к воле государства, облеченной во множество имеющих различную юридическую силу нормативных актов, возводилась в абсолют роль законодателя как некоей абстрактной субстанции, а также законодательной деятельности как единственно возможной формы правотворчества. При этом законы рождались в бюрократических кабинетах, отражая чьи-то субъективные интересы, а отнюдь не согласованные интересы общества.

Этатический позитивизм советского права предполагал привнесение в право и правопонимание классовой идеологии, обосновывающей непримиримую борьбу социальных сил за свои интересы, полное отождествление общественных интересов с государственными, а государственных — с партийными.

Право как «не только политическую надстройку, но (...) и [как] форму общественного сознания, его идеологическую форму» рассматривал советский правовед И.П. Разумовский (1923; 1925:17). Он отмечал, что «правовые отношения, будучи “отношениями волевыми”, составляют заодно первоначальный идеологический момент, позже развивающийся в систему норм правовой идеологии». Вместе с тем он обращает внимание на некую оторванность идеологии от реальной жизни. «Идеологии, коренясь в материальных общественных отношениях и необходимо способствуя оформлению и выражению этих производственных отношений, вместе с тем под воздействием накапливаемого мыслительного материала утрачивают сознание своей связи с общественными отношениями» (Razumovsky, 1925:17).

И.П. Разумовский предложил следующее понятие права, определив его как *«порядок общественных отношений, в конечном счете отношений между классами, поскольку он отображается в общественном сознании, исторически неизбежно абстрагируется, дифференцируется для этого сознания от своих материальных условий и, объективируясь для него, получает дальнейшее сложное идеологическое развитие в системах “норм”»* (Razumovsky, 1925:50).

Г.В. Мальцев справедливо утверждает, что «к области идеологии можно отнести всякую социально-заряженную идею, будь она истинной или ложной. Идеологическим является любое в социальном смысле функциональное знание, идея, несущая известную общественную функцию, выступающая инструментом социальной (религиозной, политической, моральной, правовой или иной) стратегии. (...) Гораздо ближе подводит нас к сути дела анализ идеологии как *формы социально-группового, коллективного самосознания*, в рамках которой при необходимости можно выделить *сознание внутригрупповой идентичности* (...) и *осознание субъектности группы в межгрупповых (общественных) отношениях»* (Mal'tsev, 1999:242–243).

Можно утверждать, что идеология есть знание, навязанное обществу в интересах определенной социальной группы. В отличие от юридической догматики это социальная догматика, совокупность норм и принципов, целенаправляющих общество и позволяющих управлять им. В этом смысле представляется правильным предлагаемое автором противопоставление «идеология — наука»: «Идеология служит интересам, наука — истине» (Mal'tsev, 1999:244). Если в позитивистском «чистом учении о праве» Г. Кельзена оно должно быть очищено от политических пристрастий и идеологических установок, то в этатическом позитивизме советского права оно полностью идеологизировано, поставлено на службу государственной системе — «это стратегия прежде всего для государства, которое нуждается в ней» (Mal'tsev, 1999:32).

К середине 30-х гг. в советском праве и правоведении возобладал этатический позитивизм, причем в форме идеологии, что привело к деформации социальной структуры общества. Переведенные из контекста науки в русло идеологии этатические концепции права способны породить жесткий авторитарный или тоталитарный режим, как показывает исторический опыт нашей страны.

IV. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

С помощью идентификации существующих в обществе интересов как реальных причин социальных действий, а также посредством выявления возможных трансформаций одних интересов в другие можно объяснить путь развития права и эволюцию правовых форм в определенные исторические периоды. Исследование интересов, получивших развитие в юридических нормах и правоотношениях, позволяет глубже проникнуть в суть права как социального феноме-

на, выявить различные его проявления, определить тенденции развития в историческом контексте.

В обосновании проистекающих в обществе процессов лежит определение и обоснование социальных интересов различными идеологическими течениями. Так, марксистско-ленинская методология строилась на интересах, классовых интересах, антагонизм которых, вылившийся в формы классовой борьбы, приводил к сменам общественно-экономических формаций, а вместе с ними и исторических типов государства и права.

Методология, основанная на признании господства в обществе в конкретный период определенного типа отношений собственности, производственных отношений и связанного с ними класса, сдерживала на протяжении 70 с лишним лет в нашей стране развитие плюралистического общественного сознания. При пристальном взгляде на историю России она оказывается малопродуктивной. Так, определяющим фактором в общественных отношениях применительно к дореволюционной России был сословный строй, который не совпадал с общепринятой в рамках формационного подхода классовой структурой общества. Деление общества на сословия — дворян, духовенство, горожан и крестьян, действовавшие для каждого сословия, с одной стороны, привилегии, с другой — ограничения, существенным образом ограничивали развитие социальных отношений. «Декретом ВЦИК и СНК от 11 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов»⁶ аннулировались действовавшие ранее в России юридические нормы, закреплявшие сословия и гражданские чины и все связанные с ними привилегии и ограничения, а также упразднялись сословные организации и учреждения. Тем самым, не успевшее юридически оформиться в дореволюционной России формальное равенство всех подданных в советский период было заменено равенством социальным.

Весьма показательно, что принцип социального равенства, получивший в советском праве подробную юридическую регламентацию, а в советской правовой науке — детальное доктринальное обоснование, носил декларативный характер. Социокультурная специфика России в историческом ракурсе позволяет выявлять иные социальные интересы, иную социальную структуру советского общества, нежели это было принято в русле привычных установок господствовавшей марксистско-ленинской методологии и было закреплено в советских Конституциях. Очевидным является также, что представления об устоявшейся трехэлементной структуре советского общества (рабочие, колхозное крестьянство, интеллигенция) не соответствовали реалиям жизни.

Между тем, как отмечает академик Т.И. Заславская, «социальная структура один из главных регуляторов социальной динамики в целом» (Zaslavskaya,

---

⁶ Декреты Советской власти. Том I: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М. : Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 71–72.

2003:259). Право и государство, их природа и сущность применительно к тем или иным периодам могут быть правильно идентифицированы только на основе глубокого проникновения в структуру общественных отношений и социальную динамику.

Т.И. Заславская, обосновавшая экономико-социологическую парадигму взаимодействия общественных групп с разными интересами применительно к советскому обществу, в качестве научной гипотезы выдвинула «целесообразность разделения совокупности советских семей на 78 групп, главным образом в зависимости от социальных типов занятий их членов» (Zaslavskaya, 2003:307–310). Далее были отобраны «из всего множества групп 15 таких, которые различаются, с одной стороны, своим местом в укрупненных элементах структуры (...), а с другой — функциональными сферами деятельности» (Zaslavskaya, 2003:311–312). При проведенном анализе четко выделились социальные группы, занятые в партийном и советском управлении, руководстве промышленностью, сельским хозяйством и другими областями, в сфере международных отношений и др., которым были доступны социальные блага (Zaslavskaya, 2003:320).

Не отрицая классовой структуры советского общества, обозначая поляризацию классов в нем, Т.И. Заславская отметила, что «это не те классы и не та прослойка, которые записаны в Конституции СССР. Высший класс составляет так называемая *номенклатура*, объединяющая высшие слои партийной, военной, государственной и хозяйственной бюрократии. Она является полномочным хозяином общества, распорядителем (реально — коллективным собственником) большей части национального достояния, непропорционально большую часть которого она расходует на самое себя, доля присваиваемого высшим классом богатства характеризуется не уровнем зарплаты, а прежде всего — широким набором присваиваемых бесплатно или за номинальную плату (и недоступных другим слоям) материальных и социальных благ» (Zaslavskaya, 2003:97). Далее автор отмечает: «Нижний полюс советского общества образует класс наемных работников государства, охватывающий рабочих, колхозников и массовые группы интеллигенции», именуемых «трудящимися», которые «составляют единый класс, отличительными особенностями которого служат практическое отсутствие собственности и крайняя ограниченность социально-политических прав» (Zaslavskaya, 2003:С. 97–98). Автор обращает внимание на то обстоятельство, что сотни миллионов представителей этого класса, границы которого «в значительной степени совпадают с часто используемым газетным клише “трудящиеся”», были «отчуждены не только от средств производства, но и от собственной истории, культуры, национальных и общечеловеческих ценностей» (Zaslavskaya, 2003:98).

Т.И. Заславская основывает свою позицию на введенном В.И. Лениным в работе «Великий почин» понятии классов как «больших групп людей», которые отличает: 1) место в общественной организации труда; 2) отношение к сред-

ствам производства; 3) объем и источники получаемой доли общественного богатства; 4) способность присваивать часть продукта, создаваемого другими классами или, напротив, необходимость отдавать другим классам часть создаваемого продукта (Lenin, 1970:15).

С позиций данного В.И. Лениным определения классы как большие группы людей различаются «не только названными выше чертами своего социального положения, но и тем, что одни из них могут эксплуатировать других», как полагает Т.И. Заславская (Zaslavskaya, 2003:288). Утвердившаяся в середине 30-х гг. в нашей стране идеологическая позиция о том, что классы при социализме имеют принципиально иную природу и утрачивают антагонистический характер, является, по мнению Т.И. Заславской, бездоказательной, неаргументированной.

С одной стороны, на основе проведенного глубинного анализа социальных отношений в советском обществе Т.И. Заславская обосновала идею о том, что марксистско-ленинские представления о классовой структуре общества применительно к советскому социальному строю «не работали» и не определяли его тип. С другой — она исходит из того, что в советском социалистическом обществе одни социальные группы (малочисленные по своему составу) использовали в своих интересах и присваивали результаты деятельности других (массовых), не обладая при этом правом собственности на средства производства и другие объекты. Представляется целесообразным использовать термин «социальные группы», считая его более оправданным, нежели привычное и устоявшееся понятие «классы», тем более что в анализируемом исследовании речь идет именно о множественных социальных группах.

Таким образом, утвердившиеся в рамках формационного подхода представления о классовой структуре общества «не работали» применительно к советскому периоду отечественной истории. Деформация социальных отношений в советском обществе, особенно усилившаяся в более поздний период его существования, привела к тому, что малочисленные по своему составу, но при этом имевшие возможность пользоваться материальными благами слоя общества в 90-е гг. решили реально взять в свои руки собственность, а вместе с тем и политическую власть, чтобы максимально использовать их в своих интересах. Для этого вновь были использованы правовые средства и механизмы, отрицавшие прежний общественный, государственный и правовой порядок и устанавливающие новый. Следует согласиться с утверждением Т.И. Заславской относительно того, «что оценивать положение, поведение и интересы властвующей элиты, исходя из ее политических деклараций было бы чрезвычайно наивно. То же самое относится к разработке научных рекомендаций властям с позиций презумпции их демократизма и искреннего стремления к счастью народа» (Zaslavskaya, 2003:145). Не менее актуален тезис автора о том, что «вопрос о переориентации экономики на интересы массовых общественных групп поднимается после того, как *раздел собственности и власти* в основном завершен»,

что «свидетельствует о том, что слои и группы, сумевшие завладеть командными высотами экономики и политики, опасаются социального взрыва, грозящего новым переделом ценностей, а соответственно и сменой элит» (Zaslavskaya, 2003:145).

Очевидно, нужно по-новому взглянуть на социальную структуру общества вообще и советского социалистического общества в частности. *Во-первых*, общество в XX и XXI вв. имеет сложную социальную структуру, в которую входят многочисленные социальные группы, реализующие свои интересы, и спектр этих групп весьма многообразен. *Во-вторых*, вряд ли существующие в современном обществе социальные группы стоит объединять в классы, тем более в классы с антагонистическими интересами; экономико-социологическая структура современного общества является весьма сложной, следовательно, ее нужно дополнить иными, принципиально новыми, характеристиками. *В-третьих*, необходимо исходить из того, что право в современном обществе преследует цель гармонизации отношений, в том числе между различными социальными группами. В этом смысле, не отрицая социальных противоречий и даже существующего в современном обществе социального противостояния, представляется нецелесообразным делать акцент на классовую борьбу и антагонизм классов.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Более глубокое видение проблемы революции и последовавших вслед за ней изменений в обществе возможно сквозь призму культуры и социальной памяти, традиций и инноваций. В частности, правовой культуры, предполагающей поддержание правовых традиций и внедрение инноваций в правовую сферу.

В развитии общества следует видеть, с одной стороны, тенденцию к воспроизводству социальных отношений в рамках существующей культуры, с другой — импульсы к социальным изменениям, которые, если ими не управлять посредством разумной и последовательной реформаторской деятельности, способны достичь критической отметки и изменить существующую социальную программу развития общества посредством революций. В данном контексте реформы — это управляемые социокультурные изменения, революции — во многом стихийные процессы, творимые новыми социальными силами, стремящимися реализовать свои интересы, прийти к власти, достичь экономического и политического господства.

Революцию следует рассматривать как новую социокультурную программу развития общества, оказавшегося не в состоянии жить по старой программе. Следует видеть не только ее ближайшие результаты (торжество интересов определенных социальных сил, смена власти, новая идеология, смена типа пра-

ва и правоотношений в обществе), но и ее отдаленные результаты и последствия.

Опираясь на предложенные Г. Берманом, Г.В. Мальцевым, другими зарубежными и отечественными авторами характеристики революций как социального явления, противоречащего устоявшимся в обществе традициям, а также на предложенное В.С. Степиным и другими авторами понятие культуры, революцию можно определить как новую социокультурную программу общества. В 1917 г. прежняя правовая и государственная система были разрушены, а на создание новых требовалось время. Поэтому становление советского права и государства обеспечивалось творческой, в том числе и правотворческой, активностью масс. В начале советского периода в правоведении возобладал социологический подход, который к середине 30-х гг. эволюционировал в позитивизм, причем не только в форме идущего от государства законодательного регулирования, но и идеологии. Исторический опыт нашей страны показал, что переведенные из контекста науки в русло идеологии концепции этического позитивизма способны породить авторитарный или тоталитарный режим.

Социальная активность людей обусловлена реализуемыми ими интересами. Путем выявления интересов социальных групп и возможных трансформаций одних социальных интересов в другие в определенные исторические периоды можно объяснить путь развития общества, государства и права, что, собственно, призвана обеспечить историко-правовая наука. Идентификация интересов как реальных причин социальных действий позволяет выявлять иную структуру советского общества, нежели это было принято в русле официальных идеологических и методологических установок того периода.

Сейчас очевидно, что марксистско-ленинские представления о классовой структуре общества как системе отношений, основанной на социальном равенстве и справедливости, не были воплощены в жизнь и не определяли тип советского социалистического права и государства. Авторы статьи разделяют позицию академика Т.И. Заславской относительно поляризации социальных сил в советском обществе, где, с одной стороны, существовала так называемая номенклатура, объединяющую высшие слои партийной, военной, государственной и хозяйственной бюрократии, с другой – многочисленные слои отчужденных от собственности трудящихся. Такого рода противостояние определило специфику правового регулирования в советском обществе, ярко проявившиеся в нем расхождения между формально регламентированным в законодательстве и реально существующими отношениями, а также деформацию этих отношений.

В завершение необходимо констатировать, что феномены права и правопонимания, социальных отношений и правоотношений, существовавших и трансформировавшихся в советском обществе, еще ждут своих исследователей, интеллектуальный поиск которых позволит отразить их взвешенно, без предвзя-

той критики или, напротив, идеализации, без идеологических установок и штампов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Берман Г. Западная традиция права. Эпоха формирования. М. : Издательство МГУ; Издательская группа Инфра-М–Норма, 1998.

Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М. : Дело, 2003.

Капустин Б.Г. О понятии «революция» / Революция как концепт и событие. Отв. ред. С.Г. Ильинская. М. : ООО «ЦИУМиНЛ», 2015. С. 6–31.

Курицын В.М. Становление социалистической законности. М. : Наука, 1983.

Ленин В.И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция / Полное собрание сочинений: В 55 томах. Т. 20. М. : Издательство политической литературы, 1973. С. 171–180.

Ленин В.И. Великий почин / Полное собрание сочинений. Т. 39. М. : Политиздат, 1970. С. 1–29.

Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М. : Прометей, 1999.

Никифоров А.А. Революция как объект теоретического осмысления: достижения и дилеммы субдисциплины // Полис. Политические исследования. 2007. № 5. С. 92–104.

Пашуканис Е.Б. Государство и право при социализме // Советское государство. 1936. № 3. С. 3–11.

Пашуканис Е.Б. Избранные труды по общей теории права и государства. М. : Издательство Наука, 1980.

Пашуканис Е.Б. Обзор литературы по общей теории права и государства // Вестник Социалистической академии. 1923. Книга пятая. С. 227–232.

Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. М. : Издательство Коммунистической Академии, 1927.

Петухова А.В. Социологическая концепция права в России: историко-теоретический подход (XIX–XX вв.) : автореф. дисс ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012.

Разумовский И. Проблемы марксистской теории права. М. : Издательство Коммунистической Академии, 1925.

Разумовский И.П. Понятие права у Маркса и Энгельса // Под знаменем марксизма. 1923. № 2–3. С. 68–97.

Резолюция I Всесоюзного съезда марксистов-государственников и юристов по докладам Е. Пашуканиса и Я. Бермана // Советское государство и революция права. 1931. № 3. С. 143–153.

Соломко З.В. Раннесоветская марксистская теория права в контексте современной политико-правовой мысли // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 5. С.124–127.

Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011.

Стучка П. Мой путь и мои ошибки // Советское государство и революция права. 1931. № 5–6. С. 67–97.

Стучка П. Пролетарское право / Октябрьский переворот и диктатура пролетариата: сборник статей. М. : Государственное издательство, 1919. С. 210–220.

Стучка П. Революционная роль права и государства: Общее учение о праве и о государстве. М.: Государственное издательство, 1921.

Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига: Латвийское государственное издательство, 1964.

Тихоновский Ф.И. Понимание права в советской юридической науке (1917–1938 гг.): автореф. дисс ... канд. юрид. наук. М., 2009.

Томсинов В.А. Февральская революция 1917 года в России как технология разрушения государства // *Славяне*. 2017. № 4. С. 9–15.

Честнов И.Л. Культурологическое измерение права // *Правовые культуры*. Жидковские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 25 марта 2011 г. / Под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немьгиной. М.: РУДН, 2012. С. 6–13.

Bowring B. Marx, Lenin and Pashukanis on self-determination: response to Robert Knox // *Historical Materialism*. 2011. Vol. 19. N 2. P. 113–127.

Bowring B. Yevgeniy Pashukanis, His Law and Marxism: A General Theory, and the 1922 Treaty of Rapallo between Soviet Russia and Germany // *Journal of the history of International Law/ Revue d'histoire du droit international*. 2017. Vol. 19. N 2. P. 1–22.

Goldstone J.A. An analytical framework / J.A. Goldstone, T.R. Gurr, & F. Moshiri (Eds.) *Revolutions of the late twentieth century*. Boulder ; CO: Westview Press, 1991. P. 37–51.

Head M. Evgeny Pashukanis: A critical reappraisal. Taylor & Francis e-Library, 2007.

James C.D. Toward a Theory of Revolution // *American Sociological Review*. 1962. Vol. 27. N 1. P. 5–19.

Johnson Ch. Revolutionary changes. Stanford: Stanford University Press, 1982.

Lichbach M.I., Gurr T.R. The Conflict Process: A Formal Model // *The Journal of Conflict Resolution*. 1981. Vol. 25. N 1. P. 3–29.

Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

Tilly C. Does Modernization Breed Revolution? // *Comparative Politics*. 1973. Vol. 5. N 3. P. 425–447.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Немытина Марина Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой истории права и государства Юридического института Российского университета дружбы народов.

Контактная информация:

e-mail: nemytina_mrvk@pfur.ru

Михеева Цыбик Цырендоржиевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры истории права и государства Юридического института Российского университета дружбы народов.

Контактная информация:

e-mail: mikheeva_ts@rudn.university

Для цитирования:

Немытина М.В., Михеева Ц.Ц. Социальные отношения и право в советском обществе // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 3. С. 331–354, doi: 10.22363/2313-2337-2017-21-3-331-354.

THE SOCIAL RELATIONS AND LAW IN SOVIET SOCIETY

Marina V. Nemytina, Tsybik Ts. Mikheeva

RUDN University
Law Institute
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow 117198, Russia

The year of 2017 has special significance in Russia. The events taken place one hundred years ago fundamentally changed the direction of Russian society' development and the system of existed social relations as well as form of government, political regime and legal system. The revolution happens when the government is unable to move the society forward by improving social relations existing inside it. The revolution always denies existing social order, it has deep social roots and is not one-moment but long-term process that changes radically the whole system of relations. It could be defined as a new sociocultural programme implemented according to the interests of social powers that have just taken over the government.

In revolutionary conditions, when one social order is being changed by another one, the law plays special role. Authors analyze tendencies of development of Soviet law and legal science. They show how sociologism of early Soviet socialistic law by the end of 1930-s was changed by etatistic positivism. Marxist theory used by the Bolsheviks was a form of sociological theories because social interests considered as its determining part. From 1917 Bolsheviks' social practice had pronounced sociological destination based on artistic (including lawmaking) activity of working people. But by the end of 1930ths Soviet law came under strong influence of etatistic positivism that mediated domination of party-governmental system.

Marx-Lenin conceptions about socialistic society as a system of relations based of social equality and justice were not brought to life and did not determine Soviet state and law' type. Identification of interests as real reasons of social actions enables to find out genuine social structure of the Soviet society in which specificity of legal administration was predestined by the struggle between party-state bureaucracy and broad strata of working people. There were principal divergences between legally regulated social structure and relations that really existed in the same society. Deformation of social relations predoomed the fall of the soviet system on the cusp of the 1980ths and 1990ths.

Key words: Soviet socialistic law; revolution; reforms; sociologism in law; etatistic positivism; legal culture; legal regulation; social interests; social powers; sociocultural programme

REFERENCES

(1931) Rezolyutsiya I Vsesoyuznogo s'ezda marksistov-gosudarstvennikov i pravovikov po dokladam E. Pashukanisa i Ya. Bermana [Resolution of the 1st All-Union Congress of Marxist-statists and legalists on the reports of E. Pashukanis and J. Berman]. *Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava* [The Soviet State and the Revolution of Law]. (3), 143–153. (in Russian)

Berman, H. J. (1983) *Zapadnaya traditsiya prava. Epokha formirovaniya* [Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition]. Translated from English by Nikonova, N. R. (1998) Moscow, MGU Publ., Izdatel'skaya gruppa Infra-M–Norma. (in Russian)

Bowring, B. (2011) Marx, Lenin and Pashukanis on Self-Determination: Response to Robert Knox. *Historical Materialism*. 19 (2), 113–127. Available from: doi:10.1163/156920611x573833.

Bowring, B. (2017) Yevgeniy Pashukanis, His Law and Marxism: A General Theory, and the 1922 Treaty of Rapallo between Soviet Russia and Germany. *Journal of the History of International Law. Revue d'histoire du droit international*. 19 (2), 1–22. Available from: doi:10.1163/15718050-19231033.

- Chestnov, I. L. (2012) Kul'turologicheskoe izmerenie prava [Culturological Dimension of Law] In: Nemytina, M. V., Muromtsev, G. I. (eds.) *Pravovye kul'tury*. [Legal Cultures. Zhidkov's readings: Proceedings of All-Russian Scientific Conference, 25 March 2011, Moscow]. Moscow, PFUR. pp. 6–13. (in Russian)
- Goldstone, J. A. (1991) An analytical framework. In: Gurr, T., Moshiri, F. & Goldstone, J. *Revolutions of the late twentieth century*. Boulder, CO, Westview Press, pp. 37–51.
- Head, M. (2007) *Evgeny Pashukanis: A critical reappraisal*. New York, Taylor & Francis e-Library.
- James, C.D. (1962) Toward a Theory of Revolution. *American Sociological Review*. 27 (1), pp. 5–19.
- Johnson, Ch. (1982) *Revolutionary changes*. Stanford, Stanford University Press.
- Kapustin, B. G. (2015) O ponyatii «revolyutsiya» [About the concept of «revolution»]. In: Il'inskaya, S.G. (ed.) *Revolutsiya kak kontsept i sobytie* [Revolution as a concept and event]. Moscow, OOO «TsIUMiNL», pp. 6–31. (in Russian)
- Kuricyn, V. M. (1983) *Stanovlenie socialisticheskoy zakonnosti* [The Formation of Socialist Legality]. Moscow, Izdatel'stvo Nauka. (in Russian)
- Lenin, V. I. (1970) Velikii pochin [The Great initiative]. In: *Polnoe sobranie sochinenii* [Collected Works]. Vol. 39. Moscow, Politizdat. (in Russian)
- Lenin, V. I. (1973) “Krest'yanskaya reforma” i proletarski-krest'yanskaya revolyutsiya [“The Peasant Reform” and the Proletarian-Peasant Revolution]. In: *Polnoe sobranie sochinenii* [Collected Works]. Vol. 20. Moscow, Politicheskaya literatura Publ. (in Russian)
- Lichbach, M. & Gurr, T. (1981) The Conflict Process: A Formal Model. *Journal of Conflict Resolution*. 25 (1), 3–29. Available from: doi:10.1177/002200278102500101.
- Mal'tsev, G. V. (1999) *Ponimanie prava. Podkhody i problemy* [Understanding of the Law. Approaches and problems]. Moscow, Prometei. (in Russian)
- Nikiforov, A. A. (2007). Revolution as Subject of Theoretical Treatment: the Sub-Discipline's Progress and Dilemmas. *Polis. Political Studies*. (5), 92–104. Available from: doi:10.1093/ojls/gqu014. (in Russian)
- Pashukanis, E. B. (1923) Obzor literatury po obshchei teorii prava i gosudarstva [The Review of the Literature On The General Theory of Law and the State]. *Vestnik Sotsialisticheskoi akademii* [Bulletin of the Socialist Academy]. (5), 227–232. (in Russian)
- Pashukanis, E. B. (1926) *Obshchaya teoriya prava i marksizm* [The General Theory of Law and Marxism]. Moscow, Izdatel'stvo Kommunisticheskoi Akademii. (in Russian)
- Pashukanis, E. B. (1936) Gosudarstvo i pravo pri sotsializme [The State and Law under Socialism]. *Sovetskoe gosudarstvo* [The Soviet State]. (3), 3–11. (in Russian)
- Pashukanis, E. B. (1980) *Izbrannye trudy po obshchei teorii prava i gosudarstva* [Selected Works on the General Theory of Law and the State]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian)
- Petukhova, A. V. (2012) *Sotsiologicheskaya kontseptsiya prava v Rossii: istoriko-teoreticheskii podkhod (XIX–XX vv.)* [The Sociological Concept of Law in Russia: the Historical-Theoretical Approach (XIX–XX centuries). Abstract of Dissertation of Candidate of Legal Sciences. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. (in Russian)
- Razumovsky, I. (1925) *Problemy marksistskoi teorii prava* [The problems of the Marxist theory of law]. Moscow, Kommunisticheskaya Akademiya Publ. (in Russian)
- Razumovsky, I. P. (1923) Ponyatie prava u Marksa i Engel'sa [The concept of law in Marx and Engels]. *Under the Banner of Marxism*. (2–3), 68–97. (in Russian)
- Skocpol, T. (1979) *States and social revolutions*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Tilly, C. (1973) Does Modernization Breed Revolution? *Comparative Politics*. 5 (3), 425–447. Available from: doi:10.2307/421272.

Solomko, Z. V. (2011) Rannesovetskaya marksistskaya teoriya prava v kontekste sovremennoi politiko-pravovoi mysli [Early Soviet Marxist Theory of Law in the Context of Modern Political and Legal Thought]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta* [Scientific notes of RSSU]. (5), 124–127. (in Russian)

Stepin, V. S. (2011) *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and culture]. Saint Petersburg, SPbGUP. (in Russian)

Stuchka, P. (1919) Proletarskoe pravo [Proletarian law]. In: *Oktyabr'skii perevorot i diktatura proletariata: sbornik statei* [The October Revolution and the dictatorship of the proletariat: the collection of articles]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (in Russian)

Stuchka, P. (1931) Moi put' i moi oshibki [My way and my mistakes]. *Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava* [Soviet state and the revolution of law]. (5–6), 67–97. (in Russian)

Stuchka, P. I. (1964) *Izbrannye proizvedeniya po marksistsko-leninskoi teorii prava*. [The Selected works on the Marxist-Leninist Theory of Law]. Riga, Latviiskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. (in Russian)

Stuchka, P. (1921) *Revolyutsionnaya rol' prava i gosudarstva: Obshchee uchenie o prave i o gosudarstve* [The revolutionary role of law and state: The general doctrine of law and the state]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (in Russian)

Tikhonovsky, F. I. (2009) *Ponimanie prava v sovetskoj yuridicheskoi nauke (1917–1938 gg.)* [The Understanding of the Law in Soviet Legal Science (1917–1938)]. Abstract of Dissertation of Candidate of Legal Sciences. The Russian Presidential Academy of Public Administration. (in Russian)

Tomsinov, V. A. (2017) Fevral'skaya revolyutsiya 1917 goda v Rossii kak tekhnologiya razrusheniya gosudarstva [The February Revolution of 1917 in Russia as a Technology for the Destruction of the State]. *Slavyane*. (4), 9–15. (in Russian)

Zaslavskaya, T. I. (2003) *Sotsial'naya transformatsiya rossiiskogo obshchestva: Deyatel'nostno-strukturnaya kontseptsiya* [The Societal Transformation of Russian Society: The Activity-Structural Concept]. Moscow, Delo. (in Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Nemytina Marina V. – Doctor of Legal Science, Professor, Head of Department of History of Law and State, Institute of Law, People's Friendship University of Russia (RUDN University).

Contact information:

e-mail: nemytina_mrvk@pfur.ru

Mikheeva Tsybik Ts. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of History of Law and State, Institute of Law, People's Friendship University of Russia (RUDN University).

Contact information:

e-mail: mikheeva_ts@rudn.university

For citation:

Nemytina, M. V., Mikheeva, Ts., Ts. (2017) Sotsial'nye otnosheniya i pravo v sovetskom obshchestve [The Social Relations and Law in Soviet Society]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* [RUDN Journal of Law]. 21 (3). Available from: doi: 10.22363/2313-2337-2017-21-3-331-354.